IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

МАКЛАКОВ В. А.
ВОСПОМИНАНИЯ О ПОСОЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. ОТРЫВОК

После сформирования Временного правительства в результате победы Февральской революции 1917 г., начался постепенный процесс замены дипломатических кадров в русских посольствах за границей. Ключевая должность, по дипломатической иерархии того времени, посла во Франции, досталась известному адвокату, члену II, III, IV Государственных дум, правому кадету Василию Алексеевичу Маклакову[1]. Воспоминания Маклакова охватывают период от назначения его на должность посла и до осени 1918 г. Интерес для историка представляет как сам процесс назначения на должность, так и первые шаги нового посла во Франции, связанные прежде всего с его неопределённым статусом, поскольку на момент вручения Верительных грамот, Временное правительство было уже свергнуто. В воспоминаниях содержится информация о создании Совета послов и неофициальном участии в конференции союзников в Париже в ноябре 1917 г., об отношении союзников к вышедшей из войны России о приезде во Францию А. Ф. Керенского, П. Н. Милюкова и реакции французского правительства на их приезд.

Воспоминания В. А. Маклакова находятся в Архиве Гуверовского института Войны, революции и мира (США) в коллекции В. А. Маклакова Ящ. 9. Они представляют собой машинописный текст, написанный

[1]Подробнее о назначении послом см. *Смолин А. В.* В. А. Маклаков – начало дипломатической деятельности (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.) // Русский исход как результат национальной катастрофы. К 90-летию окончания Гражданской войны на европейской территории России (Москва, 2–3 ноября 2011 г.): Материалы международной конференции / Под ред. М. Б. Смолина и В. М. Филяновой. М., 2011. С. 96 – 101.

© Смолин А. В., 2014

по старой орфографии. На первой странице в верхнем правом углу рукой Маклакова запись «просмотр», подпись, автограф.

Текст воспоминаний печатается по новой орфографии и с учетом современных требований к синтаксису. Явные описки и ошибки не оговариваются. Пропущенные слова даются в квадратных скобках.

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
д.и.н., профессора А. В. Смолина

****

Я не совсем знаю, каким образом явилась мысль о назначении меня послом в Париж. В самом начале революции в шутку я сказал Милюкову[1], что не желаю никаких должностей в России, но охотно бы принял должность консьержа по посольству в Париж. По-видимому, он шутку принял всерьез и стал что-то говорить о посольстве, но я замахал руками и разговор не продолжал[2]. Позднее я узнал, что это он сделал запрос обо мне без моего ведома; тогда же французское правительство выразило согласие. Я стал получать из Парижа непонятные мне представления. Объяснял их

[1]Милюков Павел Николаевич (1859−1943) – российский общественный, политический и государственный деятель, историк и социолог. Член ЦК Конституционно-демократической партии. С 1915 г. ее председатель. Министр иностранных дел Временного правительства первого состава. 18 апреля 1917 г. опубликовал ноту, в которой заявил о преданности союзникам и намерении довести войну до победного конца. Результатом ноты стала апрельская демонстрация солдат и рабочих в Петрограде, вызвавшая первый кризис власти. 2 мая 1917 г. последовала отставка Милюкова.

По данным историка А. В. Игнатьева П. Н. Милюков, на должность посла во Франции, пытался провести бывшего директора дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего Н. А. Базили, но не успел этого сделать, так как сам был вынужден уйти в отставку. *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 219–220. По воспоминаниям юристконсульта МИД Г. Н. Михайловского В. А. Маклакова, в качестве посла, запросили сами французы //*Михайловский Г. Н.* Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914 – 1920. М., 1993. Кн. 1. С. 387–389.

поздравлением с революцией вообще; еще позднее узнал, что Извольский[3] написал мне лично поздравление, прося сохранить на прежних должностях своего шофера и повара. Не зная адреса, он послал его через Министерство Иностранных Дел; мне этого письма не передали.

Впервые со мной заговорили о моем назначении уже после падения Милюкова, т.е. Терещенко[4]; я с ним был в хороших отношениях и меня это не удивило. Но я категорически отказался ехать послом, как я говорил – срамиться – в то время когда Россия фактически уходила из числа союзников. Он уверял, что скоро все поправится и мы перейдем в наступление, соглашусь ли ехать тогда. Я опять-таки полушутя на это согласился. После 18 июня Терещенко, торжествуя, спросил, согласен ли я теперь. Я говорил – согласен; но через несколько дней началась катастрофа[5]; я мое согласие взял назад; да кроме того, один слух о моей кандидатуре вызвал такое негодование в революционной демократии (об

[3]Извольский Александр Петрович (1856–1919) − русский государственный деятель и дипломат. В 1906 – 1910 гг. министр иностранных дел. В 1910–1917 гг. посол во Франции. В мае 1917 г. уволен в отставку. Остался во Франции. Поддержал Белое движение в России.

[4]Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) − крупный землевладелец, капиталист-сахарозаводчик. Терещенко окончил Лейпцигский университет. После Февральской революции 1917 г. вошёл в состав Временного правительства в качестве министра финансов. С 5 мая министр иностранных дел первого коалиционного правительства. Сторонник войны «до победного конца». В ночь на 26 октября арестован в Зимнем дворце в числе других членов Временного правительства и заключён в Петропавловскую крепость. Впоследствии уехал в Западную Европу. Эмигрант. Разговор Маклакова с Терещенко мог происходить между 5 мая (начало деятельности 1-го коалиционного правительства) и 3 июня (дата официального назначения послом).

[5]Июньская наступательная операция проводилась силами Юго-Западного фронта. Она началась 18 июня и закончилась 21 июля 1917 г. Её проводили войска Юго-Западного фронта (командующие генерал-лейтенант А. Е. Гутор, а с 7 июля генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов). Вначале операция началась успешно и русские войска захватили города Калуш и Галич. После того как германское командование перебросило резервы, его войска 6 июля перешли в контрнаступление. Прорыв русского фронта 11-й армии произошёл в районе г. Тарнополь, что привело к отступлению 7-й и 8-й армии. Провал русского наступления Юго-Западного фронта произошёл на фоне падения дисциплины, а это привело к дальнейшему разложению армии.

этом пишет Суханов)[6], что весь этот проект снова пал; к тому же Керенский[7] был всегда противником моей кандидатуры ввиду моего монархизма.

Уже много позднее Терещенко как-то пришел ко мне ночью и стал со слезами на глазах (буквально) умолять меня не отказываться от поездки[8]. Тогда он мне сообщил, что давным-давно согласие на меня получено; что если я теперь откажусь, и им придется искать другого кандидата, то это будет понято, как мое недоверие к правительству; что момент трагический, ибо речь идет о заключении мира за счет России. Я согласился тогда ехать, но не послом навсегда, а только на ту конференцию союзников, которая предполагалась осенью для обсуждения целей войны, и на которую Терещенко хотел ехать сам. Я согласился поехать только для того, чтобы в

[6]Суханов (Гиммер) Николай Николаевич (1882–1940) − экономист-аграрник, публицист. С 1903 г. член партии социалистов-революционеров, а с 1917 г. меньшевик. После Февральской революции член Исполкома Петроградского Совета 1-го созыва. Один из редакторов меньшевистской газеты «Новая Жизнь». Автор воспоминаний «Записки о революции». *Суханов Н. Н.* Записки о революции: в 3-х т. М., 1992. Т. 3. Кн. 6. С. 166.

[7]Керенский Александр Фёдорович (1881–1970) − российский государственный и политический деятель. Член 4-й Государственной думы. С 1915 г. председатель фракции трудовиков. С 1912 г. член масонской организации «Великий восток народов России», некоторое время генеральный секретарь её Верховного совета. После Февральской революции на разных должностях входил во все составы Временного правительства (Министр Юстиции 2.марта- 5 мая; военный и морской министр 5 мая – 30 августа, с 8 июля также министр-председатель, с 1 по 25 сентября глава «Директории», с 25 сентября председатель временного правительства). После Октябрьской революции на нелегальном положении, затем выехал за границу. Эмигрант. По свидетельству Керенского после выступления Корнилова в конце августа Директория утвердила Маклакова послом во Францию // *Керенский.* Прелюдия к большевизму / Пер. с англ. Т. Ю. Логичевой. М., 2006. С. 138. Однако под давлением левой печати от своего намерения отказалась. // *Суханов.* Записки о революции: в 3–х т. М., 1992. Т. 3. Кн. 6. С. 226. Однако Директорию создали только 1 сентября.

[8]Этот разговор мог иметь место между 1 сентября (создание Директории) и 25 сентября (образование 3- го коалиционного правительства). После создания третьей коалиции М. И. Терещенко восстановил В. А. Маклакова в ранге посла. 27 сентября в Ставке, под председательством А. Ф. Керенского, состоялось совещание, на котором вырабатывалась линия поведения русской делегации на предстоящей конференции союзников в Париже. На ней Маклаков присутствовал уже в ранге посла, хотя подписание его верительных грамот состоялось только 5 октября 1917 г. // *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 383 – 384.

качестве посла прозондировать почву и позондировать ее для конференции. Терещенко же обещал мне после этой конференции освободить меня от этой должности.

11 октября старого стиля я выехал. Вместе со мной ехал и Стахович[9], назначенный послом в Испанию, где он и думал остаться. Я ехал налегке, имя в виду скоро вернуться; с остановкой в Швеции, Христиании и Лондоне путешествие заняло две недели. Я приехал в Париж утром 26 октября; в Булони[10], через который я ехал, меня встречал префект, мне прицепили особый вагон, словом, я ехал как официальное лицо. На вокзале встречал весь состав посольства, несколько частных знакомых и тогдашний шеф ди протоколь[11]. В этот же день я отправился в Министерство Иностранных Дел вручать грамоты; министром был Барту[12], который и сообщил мне о перевороте и о том, что Терещенко, подписавший грамоты, в тюрьме. Но на это, ни он, ни я серьезно не посмотрели; думаю, что все это скоро кончится. Барту сказал, что мои грамоты будут им доложены в ближайшем заседании Совету Министров, и тогда будет назначен срок для их официального вручения. Когда я приехал в посольство, то там был шарже д'афер [13] Севастопуло, уже назначенный посланником в Константинополь. Он на другой день посоветовал мне запросить Министерство Иностранных Дел, не удобней ли отложить вручение официально грамот до выяснения положения. Я поручил ему самому поговорить с Барту; он принес ответ, что Барту совершенно с этим согласен. Потом мне говорили, будто Севастопуло меня разыграл и передал от моего имени Барту просьбу об отложении, а не вопрос; для того, чтобы ему дольше оставаться шарже д'афер. Я не могу поручиться, где правда; но мне самому казалось

[9]Стахович Михаил Александрович (1861–1923) – общественный и политический деятель. Состоял членом партий: «Союз 17 октября», «Партии мирного обновления», «Партии прогрессистов». В марте 1917 г. назначен финляндским генерал-губернатором. В августе 1917 г. его назначили послом в Испанию. Прибыл к месту назначения после Октябрьской революции, поэтому верительных грамот не вручил. В эмиграции во Франции.

[10]Булонь-сюр-Мер (Boulogne-sur-Mer) – город на севере Франции. Расположен на берегу пролива Па-де-Кале, в устье реки Льян, с Парижем связан железной дорогой.

[11]Начальник протокола.

[12]Барту (Barthou) Луи (1862–1934), французский государственный деятель и дипломат. В 1917 г. государственный министр.

[13]Поверенный в делах (фр. Chargé d Affaires).

ненормальным вручение грамот от имени правительства, сидящего в тюрьме.

Таким образом, мое положение сразу было ненормальным; хотя состояние войны это сглаживало. Я жил в посольстве, но послом не считался, и все бумаги шли на имя шарже д'аффер. Севастопуло и весь состав посольства никогда мне ни в чем не мешали, но оказывали мне самое полезное содействие; я постепенно входил в курс дела, хотя ни одной бумаги не подписывал, но и Севастопуло никаких решений без меня не принимал. Он лично познакомил меня со многими выдающимися французами, устраивая маленький завтраки в земледельческом клубе; такое же содействие мне оказал и Извольский. Потом, когда я лучше узнал французское общество, я увидел, что выбор этих лиц был сделан совершенно правильно. Если бы Севастопуло или Извольский хотели мое положение затруднить, то это было бы им очень легко. Но положение все-таки оказывалось ненормальным; я не был членом дипломатического корпуса, не был поставлен в лист дипломатов. Я стал знакомиться с послами, но частным образом; опять-таки благодаря различным счастливым обстоятельствам. Деканом был английский посол Барти; он терпеть не мог Извольского и уже потому рад был подчеркнуть добрые отношения к его заместителю. Кроме того, он был близким другом барона Жака Гинсбурга, который как-то сразу оказался в дружбе со мной и устраивал мне интимные обеды с английским послом. Мой сосед – итальянский посол – приехал вручать свои грамоты в один день со мной, и мы познакомились с ним в приемной Министра Иностранных Дел. Наконец, меня тоже частным образом принимал Пуанкаре[14], так что некоторая почва, не юридическая, а фактическая, у меня появилась.

С опозданием, но собралась все же та конференция, ради которой я ехал. Русского правительства там не было, ибо не было правительства. С этим сначала примирились; я забыл упомянуть, что очень скоро после моего приезда Пенлеве пал[15], было министерство Клемансо[16], с министром

[14]Пуанкаре (Poincaré) Раймон, французский государственный и политический деятель, дипломат. В 1913 – 1920 гг. − президент Франции. Председатель на Парижской мирной конференции.

[15]Пенлеве (Painlevé), Поль – французский политический деятель, член французской АН с 1900 г. Математик. В 1917 – 1919 гг. военный министр, в сентябре − ноябре 1917 г. премьер-министр.

[16]Клемансо (Clemenceau) Жорж Бенжамен (1841 – 1929), французский государственный и политический деятель, дипломат. В 1917 – 1920 гг. премьер-

иностранных дел Пишоном[17], с которым меня уже познакомили интимным образом и с которым у меня до его смерти сохранились наилучшие отношения. Сначала думали собрать конвенцию без участия русских, но французским русофилам, начиная с Альбера Тома[18] и кончая Дестурнель де Констанс, это показалось недопустимым − привлечь к участию в конвенции, за отсутствием уполномоченных лиц, просто посла. Но кого было считать послом; я грамот не вручил и обязанности мои нес Севастопуло. Было решено, что на официальные собрания, как первое, так и последнее, будет приглашен Севатопуло, но для деловых разговоров буду приглашаться я. Так это и произошло. Помню, как меня в первый раз вызвали на эту конференцию, где присутствовали Клемансо и Пишон от Франции, полковник Хауз[19] от Америки, Ллойд Джордж[20] от Англии, Сонино[21] и Орландо[22] от Италии. Других не было. Меня ввели прямо в комнату, где они все заседали, и сначала Пишон просил меня рассказать, что делается в России. Л. Джордж его перебил и сказал, что ему хотелось бы, чтобы посол ответил на тот определенный вопрос, который он ставил. Я не понимал тогда подкладки. Вопрос, который был поставлен, состоял в том: что будет, если союзники освободят Россию от участия в войне. Как

министр и военный министр Франции.

[17]Пишон (Pichon) Стефан Жан Мари (1857–1933), французский государственный и политический деятель, дипломат. В 1913 и 1917 – 1920 гг. министр иностранных дел Франции.

[18]Тома (Thomas) Альбер (1872–1932), французский политический деятель, историк. Депутат парламента. С 1915 г. по сентябрь 1917 г. министр вооружений. В 1917 г. приезжал в Россию с целью активизировать её участие в Первой мировой войне.

[19]Хауз (House) Эдуард Манделл (1858–1938), американский дипломат, ближайший советник президента В. Вильсона. Оказывал влияние на разработку внешнеполитического курса США. Член американской делегации на Парижской мирной конференции.

[20]Ллойд Джордж (Lloyd George) Дэвид, граф Дуайфор (Dwyfor) − британский государственный и политический деятель, дипломат (1863–1945). В 1916–1922 гг. премьер-министр Великобритании. Возглавлял делегацию Великобритании на Парижской мирной конференции.

[21]Соннино (Sonnino) Джорджо Сидней (1847– 1922) − итальянский политический и государственный деятель, дипломат. С октября 1914 по 1919 гг. министр иностранных дел Италии. Участник Парижской мирной конференции.

[22]Орландо (Orlando) Витторио Эмануэле (1860 – 1952), итальянский государственный деятель. В октябре 1917 – июне 1919 г. премьер-министр Италии. Возглавлял итальянскую делегацию на Парижской мирной конференции.

я потом узнал, это было предложение Бьюкенена[23], к которому отчасти примыкал и Л. Джордж. Но Клемансо пришел в ярость, сказал, что он этого никогда не допустит, что выход России из войны будет прямой изменой, и он будет считать тогда Россию врагом. Они экспромтом послали за мной, чтобы поставить этот вопрос. В тот момент я совершенно не понимал в чем дело, но ответил им, что если они сделают такое сообщение России, то, конечно, Россия воевать не будет, что одна из причин победы большевиков над другими в том и заключалась, что они обещали мир, а другие считали себя связанными перед союзниками. Что если союзники нынче считают нас свободными, то это будет победой точки зрения большевиков. Помню, как после моего ответа Клемансо и Пишон выражали большое удовольствие, хотя я его не понимал. Тут шли довольно долгие споры, и я все-таки же им сказал, что считаю, что полезная для нас политика союзников может быть только одна: в том, чтобы продолжать считать настоящую Россию союзником, не требовать от неё больше того, что она может дать, не настаивать все-таки же на том, чтобы Россия оставалась союзником и обещать ей за такую политику исполнение всех данных нам обещаний; что такая позиция может усилить патриотические партии против большевиков. С этим как-то все согласились, и мне было поручено выработать проект такой резолюции, которую бы официально приняло союзное совещание, и принести его на заседание в следующий день.

Когда я обдумывал эту резолюцию, то мне было довольно легко изложить её так, чтобы она подходила к тогдашним целям войны, т.е. избегать всякого намека на аннексии или контрибуции – нам, очевидно, было не до них. Нужно было излагать цели войны чисто оборонительным порядком. Я принес с собой проект резолюции, текст которой у меня не сохранился. Клемансо опоздал на полчаса, в ожидании его происходили частные разговоры. Помню, как Ллойд Джордж подошел ко мне со своим проектом, составленным совершенно в духе формул революционной демократии, без аннексии, контрибуций и т.д. Я ему сказал, что был бы очень рад, если бы такая формула оказалась возможна, но, не говоря о французах,

[23]Бьюкенен (Buchanan) Джордж Уильям (1854 – 1924), британский дипломат. В 1910 – 1918 гг. – посол Великобритании в России. Понимая, что русскую армию в бой не послать, он предложил освободить Россию от обязательства не заключать сепаратного мира и одновременно обратиться к русскому народу с вопросом будет ли он воевать вместе с союзниками до победы или согласится на мир на германских условиях // *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М, 1935. Т. 5. С. 84; *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России: мемуары / Пер. с англ. М., 2006. С. 373 – 374.

сомневаюсь, что на нее пошла бы Италия; Л. Джордж, подмигивая мне, сказал, «Италия-то пойдет, разве Сонино не пойдет, но это другое дело». Наконец явился Клемансо; я передал им мою резолюцию. Л. Джордж горячо ее поддержал, говоря, [что она] (разумна). Но другие начали возражать очень осторожно, доказывая, что эти цели войны находятся в некотором несоответствии с целями войны каждой отдельной страны. Выступил Хауз, горячо поддерживал мою формулу и сделал замечание, что Америка пошла в войну в силу только идеалистических соображений и мало интересуется теми практическими претензиями, которые имеют отдельные страны[24]. Тогда выступил Бальфур[25], говоря, что мы хотим совместить в себе этой резолюцией две совершенно различные задачи: с одной стороны, помочь русским патриотам свергнуть большевиков, а с другой − удовлетворить и национальные претензии каждого участника войны; можно уже с места сказать, что такое совмещение невозможно, и потому следует сделать два различных акта: во-первых, успокоить Россию, а во-вторых, успокоить свои собственные страны. В международном акте нужно думать о втором, придерживаясь прежних формул, но пусть каждая страна через своих представителей сделает России от себя торжественное заявление, подходящее к русской идеологии. На этом и было решено. Помню, что я на другой день был у Хауза, объяснял ему, что его позиция самая выгодная для нас, а он, подсмеиваясь над другими союзниками, сказал: «Вы увидите, что скоро мы сделаем нечто, что Вам понравится». В январе действительно появилось 14 пунктов Вильсона[26], а из воспоминаний Хауза я увидел, что эти пункты были приняты как раз вследствие его разговора со мной.

[24]На встрече президента В. Вильсона с министром иностранных дел Великобритании А. Д. Бальфуром 12 апреля 1917 г. глава Америки заявил, что его страна не считает себя связанной секретными договорённостями союзников // *Мальков В.* Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 − март 1918) // Новая и Новейшая история. 1999. № 6. С. 115.

[25]Бальфур (Balfour) Артур Джеймс (1848 – 1930), граф, британский государственный деятель и дипломат. В 1916 – 1919 гг. министр иностранных дел. Заместитель главы британской делегации Д. Ллойд Джорджа на Парижской мирной конференции.

[26]Четырнадцать пунктов В. Вильсона, в которых излагались условия будущего мира. 8 января 1918 г. он озвучил их в послании к конгрессу. Шестой пункт был посвящён России. В нём шла речь об освобождении всех российских территорий от германской оккупации, о возможности для России определить свою судьбу.

Но я вижу, что если я пойду таким темпом, то я никогда не кончу; пусть это остается, как было продиктовано, а сейчас буду сокращать. Одновременно с этим междусоюзническим съездом произошел в Париже и съезд бывших русских послов[27]. Приезжали Гирс[28], Набоков[29], Стахович, Ефремов[30], я и не помню кто еще. Гирс был большой друг с Пишоном и потому мог много повлиять на французскую политику; но в это время он более всего заботился об одном − чтобы большевики не были признаны; в этом он добился полного успеха; должен признаться, что этот вопрос тогда меня интересовал гораздо менее. Мы подали от имени всех послов мемуар, написанный Базили[31]; кстати, я еще отмечу, что в это время было несколько официальных приемов, банкет у министра иностранных дел и у Президента Республики. На этот банкет был зван и я, и Севастопуло, но почетное место занимал я.

---

[27]В конце ноября 1917 г. в Париже был образован Совет послов во главе с В. А. Маклаковым.

[28]Гирс Михаил Николаевич (1856 – 1932) − российский дипломат, деятель российской эмиграции. В 1915 – 1917 гг. чрезвычайный и полномочный посол России в Италии. После Октябрьской революции отказался признать советскую власть. С дипломатической службы Гирс уволен по распоряжению Наркомата иностранных дел. В 1919 – 1920 г., член Русского политического совещания в Париже. В 1920 г. министром иностранных дел Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака С. Д. Сазоновым назначен старшиной российского заграничного представительства.

[29]Набоков Константин Дмитриевич (1872 – 1927) – дипломат. С 1915 г. советник российского посольства в Великобритании, затем с 1917 г. поверенный в делах. В 1917 г. вошёл в Совет послов, в 1919 г. член РПС. Уволен со своего поста министром иностранных дел адмирала А. В. Колчака С. Д. Сазоновым.

[30]Ефремов Иван Николаевич (1866 – 1945), российский общественный и политический деятель. 25 сентября 1917 г. назначен Временным правительством чрезвычайным посланником и полномочным представителем в Швейцарии. Октябрьскую революцию не принял. Остался в эмиграции. В 1919 г. член русского политического совещания в Париже.

[31]Базили Николай Александрович (1883–1963) – дипломат. Во время Первой мировой войны вице-директор и директор дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего. Статский Советник, член Совета МИД. По Поручению генерала М. В. Алексеева составлял проект акта отречения Николая II. В июне 1917 г. назначен советником российского посольства во Франции. В 1918 – 1919 г. он принимал участие в создании и деятельности Русского политического совещания. После окончания гражданской войны занимался литературной деятельностью. С осени 1939 г. жил в Америке.

После съезда жизнь продолжала идти своим чередом; все ждали, нападут ли немцы вновь или нет; очень больным вопросом был тогда вопрос как о наших вспомогательных войсках[32], так и о содержании всей той невероятной массы служащих, которая была у графа Игнатьева[33], заведующего всеми поставками, и, наконец, у генерала Занкевича как главы войск[34]. Содержались они на деньги, которые французское правительство нам авансировало ежемесячно, учитывая векселя нашего правительства. Когда правительства не стало, нечего было учитывать. Все принадлежащие русскому государству деньги, их было, кажется, около 22 миллионов, были израсходованы; к этому времени оказалось одной передержки около 1 ½ миллионов. Французы постановили, что они будут выдавать необходимые на содержание деньги из арестованных сумм, но только пересмотревши эти расходы; были произведены громадные сокращения.

Я помню, что в это время многих из русской эмиграции интересовал вопрос о правительстве, т.е. были попытки искусственным образом создать что-то, что могло говорить именем русского правительства. До возникновения белых правительств таких попыток было много, и весьма своеобразных. Больше всего ко мне с этим приставал граф Игнатьев, отчасти А. П. Извольский. Они думали создать какой-то комитет при непременном

[32]Здесь речь идёт о Русском экспедиционном корпусе во Франции. В 1916 г. на Западный фронт во Франции, а также на Салоникский фронт, для укрепления дружбы между союзниками, было отправлено 44,5 тысячи солдат и офицеров, которые приняли участие в боях с немцами. После Февральской революции среди русских солдат во Франции стали нарастать революционные настроения. В июле 1917 г. в лагере Ла-Куртин русские солдаты отказались воевать и сложить оружие. Восстание было жестоко подавлено. Все русские части расформировали, а солдат отправили на тяжёлые работы в тылу. В 1919 – 1920 гг. основная часть солдат вернулась в Советскую Россию.

[33]Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954) − граф, русский военный, дипломат, генерал-лейтенант Советской Армии. В 1912 – 1917 гг. военный агент во Франции. Впоследствии перешёл на сторону Советской власти и передал СССР деньги, принадлежавшие России и вложенные на его имя во французские банки. До 1937 г. работал в советском торгпредстве в Париже. В 1937 г. вернулся в СССР. Служил в высших военных учебных заведениях и Военном издательстве. С 1947 г. в отставке. Автор воспоминаний «Пятьдесят лет в строю».

[34]Занкевич Михаил Ипполитович (1872–1945) – генерал-лейтенант, представитель русской армии во Франции. В июле 1919 г. вернулся в Россию, служил генерал-квартирмейстером, а затем начальником штаба Ставки в армии адмирала А. В. Колчака.

своем участии, который будто бы мог получить права аналогичные Чешско-Польскому Комитету[35] и т.д.; были очень недовольны тем, что я категорически отказывался от этой комбинации. Позднее думали склеить такое правительство из отдельных членов прежних правительств. Но в этом отношении ни до чего не договорились до совершенной перемены положения, которая началась с наступления на французов, да притом и с приездом различных русских людей и прежде всего Керенского[36].

Должен упомянуть, что в это время произошла перемена в моем личном положении. Севастопуло отказался исполнять обязанности жерана, находя, что это унизительно, что его не всюду приглашают, и что поэтому он сложил с себя звание шарже д'аффер. Сообщил он мне об этом уже постфактум; подбил на это и Базили, и оба они пришли ко мне требовать, чтобы я во имя собственного достоинства закрыл посольство. Я был менее чем они привычен к протоколу, и потому менее чувствителен к уколам ведомственного самолюбия. Но зато я отлично понимал все ненормальности своего представительства и находил, что мы, русские – в аналогичном случае поступали бы гораздо резче и грубее. Раньше, чем решить вопрос о своем существовании, я решился поговорить откровенно кое с кем из заведомо расположенных к русским французских политических деятелей; тут были и депутаты, как Альбер Тома, сам Пишон, и кое-кто из влиятельных французов; все до единого сказали мне, что это было бы с моей стороны не только капитуляцией, но и предательством. Французское общественное мнение не могло бы это иначе понять, как то, что Россия уходит из войны; больше того: им бы

[35]Во время Первой мировой войны деятели чешской и словацкой эмиграции (Я. Масарик, Э. Беннеш, М. Штефаник) основали в Париже Чехословацкий национальный совет. Они начали переговоры с державами Антанты о признании независимого Чехословацкого государства и организации на территории России, Франции, Италии воинских формирований для использования их в войне с Германией.

Польский национальный комитет (ПНК) основан в Лозанне (Швейцария) 15 августа 1917 г с местопребыванием в Париже. Он ставил себе целью с помощью Антанты создать независимое польское государство с включением в него литовских, белорусских и украинских земель. В сентябре – ноябре 1917 г. ПНК признали Франция, Великобритания, Италия и США, как официального представителя польского народа. В связи с образованием в январе 1919 г. польского правительства, в августе ПНК был распущен.

[36]А. Ф. Керенский прибыл из России сначала в Англию в июне 1918 г., а затем проследовал во Францию.

пришлось признать тогда большевиков. Я указал Пишону, что отставка Севастопуло все-таки требует какой-то перемены, официального лица во главе посольства не остается; он обещал обсудить этот вопрос в Совете Министров и прислал ко мне начальника протокола Вильяма Мартэна, чтобы сообщить их решение. Я пригласил Мартэна поговорить во время завтрака; Севастопуло, который по нашим условиям мог всегда охотно завтракать в посольстве без приглашения, явился в этот день. Мартэн не захотел при нем говорить; после кофе мы ушли в сад, и он мне сказал, что, обсудивши всякие комбинации, предлагает следующее: я не буду стоять на дипломатическом листе, ибо не вручил своих грамот, не буду, поэтому, заседать и в дипломатическом корпусе, но они будут меня рассматривать, как рассматривают послов, которые уже приехали, вступили в должность и грамоты не вручили; вся корреспонденция будет вестись со мной, как с послом, но лишенным некоторых внешних атрибутов. Он мне сообщил, что были другие планы – назвать меня chargé des interest[37], или назначить шарже де'аффер моего советника, но что все это было найдено менее удобным, прежде всего для меня самого; я решительно никаких возражений против их плана не видел и согласился. Когда Севатопуло узнал, о чем мы говорили с Мартэн, он сказал, что при этих условиях он согласен остаться на своей прежней должности. Я предложил Мартэн остаться при прежнем Севатопуло, он раздраженно сказал: «А нет, Клемансо после того, что Севастопуло подал в отставку, ни за что его не хочет».

В дальнейшем буду говорить еще короче.

Весной приехал Керенский[38]; он впервые привез какие-то вести о том, что делается в России. К сожалению, оказались они неточны. Он был очень оптимистичен. Говорил, что большевиков могут сбросить, когда захотят, и только не делают этого, пока не выяснится заграничная обстановка. Утверждал, что состоялось соглашение между некой организацией и союзниками; они обещались признать то правительство, которое станет на месте большевиков и поддержит его денежно, присчитывая новые ссуды к русскому правительственному долгу. Керенский был очень удивлен, что Ллойд Джордж ничего об этом не знал. Мы пошли в Кэ д'Орсэ[39], там тоже об

[37]Скорее всего здесь допущена ошибка. Надо: Chargé d'Affaires ad interim – исполняющий обязанности главы дипломатического представительства в случае отсутствия последнего.

[38]См.: сноску 35.

[39]Quai d'Orsay — название набережной Сены в Париже где расположено министерство иностранных дел Франции.

этом не знали ничего. Керенский не хотел этому верить, соглашение было категорическое и окончательное; Пишон велел канцелярии показать мне решительно все телеграммы из России; по словам Керенского, соглашение заключал Гренар. Ничего подобного я там не нашел; но зато нашел много очень высокомерных и обидных для русских отзывов Гренара о наших политических деятелях. Потом Гренар, по приезде во Францию, мне отрицал какие бы то ни было разговоры. Я не могу допустить, что Керенский все лгал; но, очевидно, простые предположения и безответственные обещания он принимал за акты французского правительства, как это потом на юге делали с Энно[40] и Эрлихом. А Гренар вел, конечно, свою политику: обещать, морочить глаза, не имея в виду обещание исполнить. Одно уже это разномыслие очень разочаровало Керенского; считая, что он будет в будущем главой правительства, он не мирился с тем положением, которое мы все здесь имели; нашлись люди, которые его подзуживали; это делал особенно Игнатьев; он добился того, что, когда мы не были официально приглашены на какое-то междусоюзническое торжество, то Керенский пошел объясняться с Клемансо; в это же утро Игнатьев принес мне официальное донесение об этом с требованием, чтобы я принял меры для защиты русского имени; Игнатьев не был приглашен на торжество. Игнатьев мне говорил, что если я ничего не сделаю, то он придаст это гласности, и что я вообще буду опозорен. Должен прибавить, что Клемансо отвратительно относился к Игнатьеву лично, считал его чуть ли не немецким шпионом, и Министерство Иностранных Дел дважды настаивало передо мной, чтобы я сместил его с прежней должности, на что я права не имел. Игнатьев этого не знал, хотя я делал ему довольно серьезные намеки; он смеялся, говоря, что его положение здесь лучше кого бы то ни было, он многих уже съел и съест всякого, кто будет с ним не согласен. Керенский вернулся ко мне от Клемансо и сказал, что между ними полный разрыв и что Керенский уезжает в Англию. Когда Игнатьев про это узнал, он был в восторге. Отмечу тут же эпизод с панихидой по Государю.

Когда смерть Государя стала общеизвестна, я решил от посольства отслужить панихиду; если бы этого не сделал я, то ее назначили бы частные лица. Узнав об этом, Игнатьев приходил говорить мне, что это невозможно, что я опозорю себя в глазах французов и т.д. и т.д.; во всяком

[40]Энно – французский вице-консул в Киеве.

случае, он на панихиду не пойдет. Но оказалась, что кроме «Юманитэ»[41], газеты поняли, что отрекшийся Государь не есть преступник и что панихида о нем никакой провокации или политической демонстрации не представляет. Кроме «Юманитэ» все газеты отозвались сочувственно, был весь дипломатический корпус и представители Президента Республики, Клемансо и Пишон. Когда я пришел в церковь, то на первом месте увидел Игнатьева, который разыгрывал как бы хозяина, благодаря от своего имени всех выразивших сочувствие в нашем национальном горе. Вскоре после отъезда Керенского в Лондон стало известно о перевороте, который сделали чехи[42], и об образовании нового правительства по выборам Учредительного Собрания[43]. Керенский стал осаждать меня письмами, требуя немедленного признания этого правительства, в силу состоявшегося раньше договора. Он писал и Клемансо, и Пишону, упрекая за то, что они не держат слова. Умолял меня, пожертвовать какими бы то ни было партийными соображениями, и добиться официального признания этого правительства.

Он не представлял себе трудности положения.

Когда я пошел в Министерство Иностранных Дел, то я узнал, что состоялось соглашение всех союзников вести одинаковую политику относительно русских. Пишон мне сказал, что он даже боится поднимать этот вопрос, так как Америка все время настаивает на признании большевиков; а главное, он отрицал, какое бы то ни было обязательство, принятое союзниками, на котором настаивал Керенский, и считал, что вопрос должен быть решен простой целесообразностью. Чтобы признать новое правительство, образовавшееся где-то в Сибири, нужно было бы, чтобы оно дало доказательства своей жизненности, т.е. просуществовало

[41]«Юманите» («Humanite» – «Человечество»), французская ежедневная газета ЦО Французской коммунистической партии (ФКП). Газета основана в 1904 г. как орган социалистической партии. С 1920 г. орган ФКП.

[42]Мятеж Чехословацкого корпуса начался 25 мая 1918 г. в Мариинске, 26 в Челябинске и быстро распространился по всему Поволжью и способствовал образованию эсеровских правительств. Корпус насчитывал 45 тыс. человек. В августе продвижение чехословацких войск было остановлено, а в сентябре войска Красной Армии перешли в наступление

[43]Эсеровское правительство Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) был образован в Самаре 8 июня 1918 г. Его образованию предшествовало занятие города частями Чехословацкого корпуса. В результате военных неудач Комуч, после создания 23 сентября 1918 г. Директории, сложил свои властные полномочия.

бы несколько месяцев. Пока же он от этого отказывался. Этот ответ, в общем разумный, привел Керенского в негодование; он был слишком полон уверенности, что союзники дали обязательство, которое теперь не сдерживают; он написал и Пишону необычайно резкое письмо, и мне стоило много труда, чтобы Пишон ему не ответил новой резкостью. Керенский обиделся и на меня, считая, что это я по своей реакционности не хочу правительства Учредительного Собрания. Все отношения наши с ним прекратились, и когда он приезжал сюда, то он меня не видел. О причинах этого мне объяснил только князь Львов[44], предупредив, что Керенский ищет каких-то документов, которые бы меня компрометировали в этом смысле, и тогда их опубликует. Уже много времени спустя, когда я не был послом, Керенский пожелал со мной объясниться, и мы встретились у третьих лиц; он признал тогда, что все его подозрения были неправильны и что он считает себя передо мной виноватым. Как бы то ни было, если союзники не признали нового правительства, то отношение нас, послов, к нему, было приблизительно тем же; мы считали себя представителями последнего законного правительства и не хотели низводить себя на ранг представителей правительства непризнанного; но мы не только не отказывались быть с ним в контакте, но всячески ему помогали. Речь шла о помощи ему, иначе сказать об интервенции союзников во внутренние дела России. Вопрос об интервенции был поставлен давно по инициативе самих французов. Я помню, как при моем визите к Дешанелю[45], как к представителю Палаты, он спрашивал меня, как бы мы, русские, к этому отнеслись. Затем именно французы настаивали на интервенции, которая мыслилась только как японская – ни у кого из союзников, кроме японцев, свободных армий не было. Вообще эта мысль в то время встречалась в русских кругах с большим сочувствием, конечно с разными оговорками. Но против нее стояла Америка. Я читал телеграмму Пишона к Жюссерану и обратно, и мог видеть, насколько Америка тверда в том, чтобы японцев

[44]Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь, российский общественный и государственный деятель. Председатель Временного правительства первого и второго состава. В эмиграции. Во Франции с конца 1918 по июль 1919 г. возглавлял Русское политическое совещание. После разгрома белого движения занимался организацией помощи русским беженцам на средства Союза земств и городов (Земгора).

[45]Дешанель (Deschanel) Поль (1855–1922) − французский политический и государственный деятель, умеренный республиканец. Президент Франции (18 февраля − 21 сентября 1920 г.), впоследствии сенатор.

не пускать на материк. Такого же мнения держался и Бахметьев[46]. Он прислал мне для осведомления своего сотрудника И. И. Сукина»[47]. Бахметьев был большой американофил и не сомневался, что Америка нас спасет, когда для этого настанет время, но говорил, что мы совершенно потеряем возможность американской помощи, если будем сочувственно относиться к вступлению японцев в Сибирь. С июля 1918 года, как известно, события на театре европейской войны изменились, началось отступление немцев; скоро исход войны перестал представлять для нас сомнение[48]. Приблизительно в это время мы узнали о так называемой немецкой ориентации Милюкова, и я помню, как мы послали ему письмо за подписью Стаховича, Ефремова, Мандельштама[49] и моей, где упрашивали его эту линию бросить[50]; победа союзников сейчас обеспечена и мы только себя компрометируем, связываясь с немцами. Между тем, хотя не было интервенции, но союзники посылали своих представителей в Сибирь, и потому кое-какие сведения о ней мы имели. Пишон однажды мне сказал, что они решаются признать Сибирское правительство, и что это произойдет недели через две; но раньше этого мы узнали о перевороте Колчака[51]; это сразу переменило отношение к нему и французских левых кругов, и

[46]Бахметев Борис Александрович(1880–1951) – инженер, дипломат, предприниматель. С июня 1917 г. посол России в США. Один из инициаторов создания Русского политического совещания в Париже. Возглавил его Политическую комиссию.

[47]Сукин Иван Иванович (1889 - ?) – дипломат. В 1917 г. секретарь российского посольства в США. В октябре 1918 г. послом Б. А. Бахметевым направлен для работы в Сибирь. После переворота адмирала А. В. Колчака 18 ноября 1918 г. − начальник дипломатического отдела ставки Колчака. В январе 1919 г. назначен управляющим министерством иностранных дел.

[48]18 июля 1918 г. началось контрнаступление союзников, которое привело, в конечном счёте, к поражению Германии.

[49]Мандельштам Андрей Николаевич (1869−1949) – дипломат, доктор международного права, действительный статский советник (1916). Окончил Юридический и Восточный факультеты Петербургского университета, специалист по международному праву. Служил в МИД на различных должностях.

[50]Летом 1918 г. П. Н. Милюков предложил сменить ориентацию и опереться на Германию в борьбе с большевизмом. ЦК партии кадетов осудил эту тактику, тогда Милюков сложил с себя полномочия председателя партии. В октябре 1918 г. он признал ошибку и вернулся к союзнической ориентации.

[51]!8 ноября 1918 г. в Омске в результате военного переворота и устранения Директории, к власти пришёл адмирал А. В. Колчак.

самого правительства, не потому чтобы они Колчаку не сочувствовали, но потому, что правительство все-таки же оказалось нетвердым.

Затем пошла полоса уже несомненной победы союзников. А затем после подписания прелиминарий мира 11 ноября война казалась конченой. Помню, как тогда приехал ко мне Мильнер[52] не только поздравить с победой, но и заявить, что теперь наступило время союзникам поставить на ноги Россию, и с большевиками покончить. До сих пор, говорил он, наши войска были нам самим нужны, теперь же мы можем сделать кое-что и для вас. Пишон одновременно с этим мне сообщил, что решено французами ввести французские войска на юг России, занявши Харьков, Курск и Киев. Впрочем, тут я должен упомянуть об одном обстоятельстве, о котором забыл сказать в свое время.

Когда заключалось перемирие с немцами, то было дано, кажется, два дня на изложение условий перемирия; Фош[53] прислал свой проект в Министерство Иностранных Дел, прося замечания. Меня вызвали тогда в министерство, показали этот проект, проект ответа и спрашивали моего мнения. В числе пунктов перемирия был немедленный вывод немецких войск из Украины. У нас было условие – не давать никаких мнений, не посоветовавшись между послами. Но тут ответ нужно было дать немедленно. Я запротестовал против этого пункта, указывая, что уход немцев сейчас же большевизирует Украину. Это мнение я услышал от многих, кто в это время из Украины приезжал. Я настойчиво развивал это мнение и перед Бертоло[54], и перед Пишоном, и в значительной степени их поколебал. Однако они мне показали, что со стороны Гирта, которого тоже запрашивали в Риме, никаких возражений не было. В конце концов, Министерство Иностранных Дел со мной согласилось и написало поправку приблизительно такого содержания: что немецкие войска будут выведены постепенно по мере того, как они будут заменены французскими, а пока этого не сделано, то они поступают под начальство французского командования. Это меня, конечно, устраивало, но Фош не допускал мысли,

[52]Мильнер (Milner) Альфред (1854 – 1925), лорд, министр без портфеля в военном кабинете Ллойд Джорджа, участвовал в подписании соглашения 23 декабря 1917 г. с Францией о разделе сфер влияния в России.

[53]Фош (Foch) Фердинанд (1851 – 1929) – маршал Франции (1918). С апреля 1918 г. Верховный главнокомандующий союзными войсками.

[54]Бертело (Berthelot) Филипп (1866 - ?) − дипломат, в описываемое время генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции.

чтобы французы могли командовать немецкими войсками и сослался на то, что мое мнение совершенно единично.

Раньше перемирия, как я уже говорил, начался довольно ускоренный съезд во Францию разных знатных русских. Я не припоминаю сейчас в каком порядке кто приезжал, но приезжали почти ежедневно с разных концов. У меня в памяти остался приезд делегации из Ясс, я не помню, был ли он до перемирия, или после[55]. С ней связан некоторый инцидент и лживые печатные сообщения, потому я считаю полезным сказать о ней два слова.

Когда Милюков принял так называемую немецкую ориентацию, то это произвело сенсацию у французов, говорили об измене не только Милюкова, но вообще кадетов; с удовольствием отмечали, что центральный кадетский комитет за ним не последовал, но на Милюкова вешали всех собак. Когда стало известно, что из Ясс едет сюда делегация, в числе которой был Милюков, то Пишон меня предупредил, что Милюкова во Францию не пустят и что об этом дано знать в Константинополь. Тогдашний небольшой чиновник, сейчас посланник в Японии – Каммерер – с которым я был в дружеских отношениях, подтрунивал над тем, что Милюков сейчас попал в Константинополь и может там оставаться, Франция его к себе не пустит. Я получил одно письмо от Милюкова, он мне отвечал на ту телеграмму, которую мы послали; письмо довольно курьезное во многих отношениях; он ничего не говорил о своей поездке сюда, но вообще говорил о том, что он объезжает союзные страны, и своего адреса не давал. Помню еще, что как-то Пишон мне сказал, что по чьей-то ошибке виза Милюкову была выдана в Константинополе, но что на границу была послана телеграмма, чтобы его не пускали. Прошло еще несколько дней, и я получаю просьбу от Пишона – к 12 часам его повидать по экстренному делу. А в 11.30 мне позвонил из Лютеции Милюков, сказав, что сюда приехала делегация, что нужно устроить ей свидание с Клемансо и Пишоном и спрашивал, может ли он ко мне сейчас зайти. Я ответил, что иду в министерство, и чтобы он мне позвонил после, причем советую сначала позвонить одному, а не приходить всем вместе. Пишон мне сказал с отчаяньем в голосе:

[55]16 – 23 ноября 1918 г. в Яссах, затем до 6 января 1919 г. в Одессе проходило совещание делегатов от «Союза государственного объединения России», «Национального центра», «Союза возрождения России» и представителей союзников. На нём было принято обращение к союзникам о немедленном вводе на юг России войск Антанты. С целью ускорить интервенцию в Россию члены ясской делегации выезжали в ноябре 1918 г. в Константинополь к генералу Л. Франше д Эспере, а в декабре в Париж, а затем в Лондон.

«Представьте себе, что случилось, делегация приехала не на той станции, где были даны распоряжения и Милюков едет в Париж»; я ему сказал: «Он уже здесь». Он мне сказал: «Так вы нам помогите; Клемансо распорядился немедленно делегацию выслать из Франции, я понимаю, как это неприятно, какой это скандал, уговорите их уехать добровольно». Я пробовал возражать, но это было излишне; Пишон во всем был со мной согласен, но отказывался переубедить Клемансо: «С ним сейчас ничего поделать нельзя; пусть эта делегация едет в Англию, мы ей дадим все возможности, а затем подготовим почву для возвращения; если она не уедет, то ее вывезут отсюда силой, Вы понимаете, какой это скандал», и т.д. и т.д.: «Мы не позволим ни одной газете упомянуть об этом, но упросите их не затруднять нашего положения и уехать». Милюков позвонил мне второй раз, спрашивая, когда им можно придти. Я просил его придти одного; он пришел, и тут я в первый раз увидел его сконфуженным, когда он узнал, как обернулось дело; оказывается делегация ехала просить у Франции помощи оружием и деньгами против большевиков; ясно, что при таком отношении к ним, если бы даже удалось добиться им разрешения жить, что было сомнительно, эта делегация была плохо поставлена просить о какой-то помощи. Я спросил Милюкова, почему он меня не предупредил, что он едет, я бы его предупредил, что это невозможно сейчас; Милюков признался, что опасался, что если он меня об этом предупредит, то, может быть, ему не удастся тайно разными фокусами приехать. Но затем он довольно трезво оценил положение и решился последовать моему совету, т.е. начать с Англии, представить мне за это время подготовить путь к возвращению. Но вечером он мне опять позвонил, сказав, что его товарищи не согласны и что они желают со мной говорить. Вся делегация явилась часов в 9. Милюков просил меня рассказать им то, что я говорил ему. Но Гурко[56] занесся, стал ругать французов, которые забыли про битву на Марне[57], возмущался тем, что их никто не встречал на вокзале, говорил,

[56]Гурко Владимир Иосифович (1862–1927) – русский государственный деятель, товарищ министра внутренних дел (1906). Отрешён от должности по приговору Сената «за превышение власти». В 1912 – 1917 гг. член Государственного Совета по выборам.

[57]Битва на Марне («Чудо на Марне») 5 – 12 сентября 1914 г. – наступление франко-английских войск против немцев на Западном фронте. В результате союзники продвинулись на 60 км. Рухнули планы германского командования на «блицкриг». Победе на Марне способствовало наступление русских войск в Восточной Пруссии. В результате русского наступления немцы сняли с Западного фронта два корпуса и одну кавалерийскую дивизию.

что они должны были бы сейчас смотреть на них как на спасителей; кстати ругал меня, который принял их только в 9 часов вечера и сказал, что он не уедет. Разговор, и очень неприятный, продолжался долго – часов до двух. Мне было поручено на другой день просить отсрочки отъезда, и они собирались поговорить с друзьями. Отсрочку им дали, но только до вечера; потом Пишон два раза телефонировал мне узнать, уезжают ли они. Друзья, которых они консультировали, были совершенно категоричны. У Третьякова[58] захворал тогда сын, он просил меня добиться ему разрешения остаться при больном сыне. Я написал Пишону довольно резкое письмо, говоря, что я взял на себя успокоить Третьякова, что Клемансо не будет высылать больного мальчика. Пишон тот час мне ответил по телефону, что конечно Третьяков может остаться; я пошел в Лютецию уведомить об этом Третьякова, а кстати и со всеми проститься. Гурко и здесь остался верен себе; он вдруг сделал страдающее лицо, схватился за голову и заявил, что он болен и ехать не может. Но это была уже комедия, в которой я участвовать не хотел, и потом все прошло, как было предвидено. Их пустили назад, а несколько дней позднее пустили Милюкова. Это не мешало Гурко написать воспоминания в Архив Русской Революции, № 15, где он винит меня за то, что я не хотел им помочь и объясняет это двумя причинами; первое – что эта делегация была слишком правая для меня, а второе – что я боялся, что она поставит меня на второй план[59]. Вообще в этой статье сплошная ложь, на которую я одно время хотел ответить, но за недосугом уклонился.

Кроме этой делегации, как я говорил, стало съезжаться много людей, в предвидение мирной конференции и разрешения вопроса, какую роль мы в ней будем играть.

---

[58]Третьяков Сергей Николаевич (1882–1943) − предприниматель, государственный и политический деятель. Председатель Экономического Совета Временного правительства (1917). Входил в состав ясской делегации, товарищ председателя финансово-экономической комиссии РПС. Министр торговли и промышленности Омского правительства (сентябрь 1919 г.). В правительстве В. Н. Пепеляева товарищ председателя Совета министров и министр иностранных дел. В эмиграции жил в Париже. Один из организаторов российского торгово-промышленного и финансового союза. С 1929 г. сотрудничал с советской разведкой. В годы нацистской оккупации Третьяков казнён как советский агент.

[59]Воспоминания В. И. Гурко: *Гурко В. И.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. 1917 – 1918 гг. // Архив русской революции: в 22 т. Т. 15 – 16. М., 1993. Т. 15. С . 5 – 84. Репринт.

Сведения об авторе публикации

Смолин Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: smolin1947@yandex.ru

Information about the author of publication

Smolin Anatoli Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, St-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: smolin1947@yandex.ru